

Юлиус Эвола

Негритизированная Америка

Оригинал: Julius Evola. Negrified America

Источник: <https://counter-currents.com/2015/10/negrified-america/>

Перевод с английского, 2022 г.

Не так давно газеты объявили, что по некоторым подсчетам к 1970 году половина населения Манхэттена будет чернокожей, а в пяти районах, составляющих весь город Нью-Йорк, 28 процентов жителей будут цветными. Аналогичные процессы были отмечены в других городах и районах Соединенных Штатов. Мы наблюдаем негритизацию, монгрелизацию (расовое смешение) и упадок белой расы перед лицом размножающихся быстрее низших рас.

Джино Боккасиле, итальянский плакат (1940)

Конечно, с точки зрения демократии в этом нет ничего плохого, наоборот. Мы все знакомы с рвением и непримиримостью американских сторонников так называемой «расовой интеграции», которая может только еще больше уско-

рять этот процесс. Они не только выступают за полное межрасовое общественное братание и хотят, чтобы негры имели свободный доступ к любым государственным и политическим должностям (так что мы можем даже ожидать в будущем чернокожего президента Соединенных Штатов), но и не возражают против того, чтобы негры смешивали свою кровь с кровью белых американцев. Характерным примером пропаганды этой программы является пьеса под названием *Deep Are the Roots* («Глубокие корни») (имеются в виду корни расовых «предубеждений»), воздействию которой итальянское радио уже не единожды сочло нужным нас подвергнуть.

«Интеграционистам», которые делают эти выводы – столь же логичные, сколь и ошибочные – из догмы эгалитарной демократии и которые, во весь голос говоря о свободе, в реальности защищают действительно принудительную систему [1], все еще противостоят, особенно на Юге, определенные группы, которые не намерены давать зеленый свет наступлению черной расы и «негритизации» своей страны. Однако эти последние группы не в состоянии осознать масштабы этого явления в том смысле, что они замечают его только в его наиболее материальной и осязаемой форме. Они не видят, до какой степени Америка «негритизирована» не только в расовом и демографическом отношении, но прежде всего в своей цивилизации, в поведении и во вкусах американцев, даже без фактического смешения с негритянской кровью.

США не без оснований сравнивают с плавильным котлом. Они действительно представляют собой пример того, как человеческий тип с характеристиками, в значительной степени однородными и постоянными, сформировался из весьма разнородного исходного материала. Эмигрируя в Америку, люди самых разных народов получают один и тот же отпечаток; через два поколения, за исключением редких случаев, они утрачивают почти все свои первоначальные признаки, воспроизводя достаточно однородную по ментальности, чувствительности и поведению единицу: американский тип.

В связи с этой теорией, подобные сформулированным Фробениусом и Шпенглером, которые утверждали, что существует тесная связь между формами данной культуры и некой «душой», связанной с природной средой, с «ландшафтом» и первоначальным населением, не кажутся применимыми. В противном случае существенная часть американской культуры принадлежала бы коренным элементам, состоящим из американских индейцев, краснокожих. Краснокожие индейцы были гордой расой со своим собственным стилем, собственным достоинством, чувствительностью и формами религиозности; недаром писатель-традиционалист Ф. Шуон говорил о наличии в их бытии чего-то «орлиного и солнечного». И мы без колебаний утверждаем, что если бы именно их духом в заметной степени – в лучших его аспектах и на соответствующем уровне – проникся человеческий материал, брошенный в «американский плавильный котел», то уровень американской цивилизации, вероятно, мог бы быть выше. [2]

Вместо этого, помимо пуританско-протестантской составляющей (которая, в свою очередь, вследствие своего фетишистского акцента на Ветхом Завете, обладает многими иудаизированными, дегенеративными чертами), кажется, что именно негритянский элемент в его примитивизме задавал тон в важных аспектах американской ментальности. Уже характерно, что, говоря об американском фольклоре, имеют в виду именно негров, как если бы они были коренными жителями страны. Так, знаменитая опера «Порги и Бесс» еврея Гершвина, посвященная исключительно чернокожим, считается в США классическим произведением, вдохновленным «американским фольклором». Композитор заявил, что в процессе подготовки написания этого произведения он некоторое время прожил среди чернокожих американцев.

Но феномен популярной и танцевальной музыки еще более заметен и повсеместен. Фицджеральд не ошибся, когда сказал, что в одном из основных ее аспектов американскую цивилизацию можно назвать цивилизацией джаза, т. е. негритизированной музыки и танца. В этой области весьма необычные «выборочные симпатии», родство душ, привело Америку в процессе регрессии и примитивизации к подражанию неграм. Предполагая, что возникла потребность в бешеных ритмах и формах как оправданной компенсации механической и материалистической бездушности современной цивилизации, гораздо лучше было бы обратиться к многочисленным источникам, доступным в Европе: в другом месте мы упоминали, например, танцевальные ритмы Юго-Восточной Европы, в которых часто есть нечто поистине дионисийское. Но Америка предпочла подражать неграм и афро-кубинцам, а затем из Америки эта зараза постепенно распространилась на все другие страны.

Негритянский компонент американской психики уже заметил в свое время психоаналитик Карл Густав Юнг. Стоит привести несколько его наблюдений:

Еще одна вещь, которая поразила меня [в американце], это большое влияние негров, естественно, психологическое влияние, а не из-за смешения кровей. Эмоциональный способ самовыражения американца, особенно то, как он смеется, лучше всего можно изучить по иллюстрированным приложениям к американским газетам; неподражаемый смех Тедди Рузвельта встречается в своей изначальной форме у американского негра. Своеобразная походка, развинченная, с поваливающимися бедрами, столь часто наблюдаемая у американцев, также перенята у негров. Американская музыка в основном черпает вдохновение у негров, как и танцы. Проявления религиозного чувства, собрания членов общества секты возрожденцев, громогласные проповедники, вызывающие экстаз у секты трясунов, и другие ненормальности находятся под сильным влиянием негров. Живость среднего американца, проявляющаяся не только во время бейсбольных матчей, но особенно в его необычайной любви к разговорам – красноречивым примером этого является беспрестанная болтовня американских газет, – вряд ли может быть получена от его германских предков,

но гораздо больше похожа на пустословие негритянской деревни. Почти полное отсутствие уединения и всепожирающая массовая общительность напоминают первобытную жизнь в открытых хижинах, где существует полное отождествление со всеми членами племени.

Этот пассаж продолжается в том же направлении, и Юнг в конце концов задается вопросом, можно ли все еще считать жителей нового континента европейцами. Но его наблюдения можно развить и дальше.

Жестокость, которая, несомненно, является характерной чертой американцев, вполне можно назвать негритянским характером. В счастливые дни того, что Эйзенхауэр не постыдился назвать «крестовым походом в Европу», а также в первые дни оккупации мы имели возможность наблюдать типичные формы этой жестокости, но мы также видели, что временами американские «белые» пошли в этом отношении даже дальше, чем их товарищи-негры, инфантилизм которых они, впрочем, часто разделяли.

Вообще говоря, вкус к жестокости теперь, кажется, укоренился в американском мышлении. Это правда, что самый жестокий из всех видов спорта, бокс, зародился в Англии, но именно в Соединенных Штатах развились его самые аномальные формы, и именно там он стал объектом коллективной одержимости, которая вскоре передалась другим нациям. Что же касается драчливости и желания ввязываться в рукопашные схватки самого зверского вида, то достаточно рассмотреть большую часть американских фильмов и популярных детективов: вульгарный кулачный бой – их постоянная тема, видимо, потому что он соответствует вкусам американских зрителей и читателей, для которых он кажется символом истинной мужественности. С другой стороны, Америка, мировой лидер, больше, чем какая-либо другая нация, низвела традиционную дуэль до статуса нелепого и устаревшего европейского хлама. Дуэль – это способ разрешения споров по строгим правилам, не прибегая к примитивной грубой силе простой руки и кулака. Нет необходимости указывать на разительный контраст между этой американской чертой и идеальным поведением английского джентльмена, несмотря на то что англичане представляли собой значительную составную часть коренного населения Соединенных Штатов.

Современный западный человек, в значительной степени регрессивный тип, во многих отношениях сравним с ракообразным; он столь же «жесток» снаружи – как человек действия, как беспринципный предприниматель, как организатор и т. д., – сколь «мягок» и бесформенен в своем внутреннем содержании. Так вот, это в высшей степени верно по отношению к американцам, представляющим доведенный до крайности дегенеративный западный тип. Но здесь мы обнаруживаем еще одно их сходство с негром. Непоследовательная сентиментальность, банальный пафос, особенно в любовных делах, гораздо больше сближают американцев с неграми, чем с истинно цивилизованными европейцами. Наблюдатель может легко найти ясное свидетельство этому в

ряде типичных американских романов и опять-таки песен, а также в кинематографе и повседневной жизни.

То, что американский эротизм столь же пандемичен, сколь и – с технической точки зрения – примитивен, вызывает сожаление и у американских девушек и женщин. Это приводит нас к еще одному сходству с тем, что характерно для негритянских рас, у которых иногда навязчивая роль, всегда играемая эротизмом и сексуальностью, связана с примитивизмом; таким образом, эти расы – в отличие от жителей Востока, древнего западного мира и некоторых других народов – никогда не знали *ars amatoria*, искусства любви, достойного этого названия. Восхваляемая высокая сексуальная активность негров на самом деле носит лишь грубо количественный приапический характер.

Еще один очевидный аспект американского примитивизма касается понятия «величины», «большого размера». Вернер Зомбарт удачно указал на это, сказав, что «они путают величину с величием». Так вот, эта черта встречается не у всех неевропейских или цветных народов. Например, подлинному арабу старой расы, индейцу, восточному азиату не слишком импонируют чисто материальные, количественные, показные размеры, в том числе связанные с машинами, технологиями и экономикой (кроме, конечно, уже европеизированных личностей). Эта черта встречается только у действительно примитивных и инфантильных рас, таких как негры. Не будет преувеличением утверждать, что дурацкая гордость американцев эффектным «большим размером», «достижениями» своей цивилизации попахивает негритянской ментальностью.

Здесь мы должны упомянуть часто повторяемую чепуху о том, что американцы – «молодая раса», с подразумеваемым выводом о том, что они, мол, раса будущего. Это правда, что близорукий взгляд легко принимает регрессивный инфантилизм за истинную молодость. Строго говоря, согласно традиционной концепции, эту концепцию следует вывернуть наизнанку. Вопреки внешнему впечатлению недавние народы, поскольку они пришли последними, наиболее удалены от своих истоков, и поэтому их нужно считать самыми дряхлыми и декадентскими народами. Этот взгляд, кроме того, соответствует органическому миру. [4] Он объясняет, как ни парадоксально, сходство якобы «молодых» народов, в указанном выше смысле опоздавших, с подлинно первобытными расами, оставшимися вне мировой истории, и объясняет вкус к примитивизму и возврат к примитивизму. Мы уже отмечали пристрастие американцев из-за родства душ к негритянской и субтропической музыке; но то же самое явление очевидно и в других областях более поздней культуры и искусства. Мы могли бы рассмотреть, например, прославление «негритюда» экзистенциалистами, интеллектуалами и «прогрессивными» художниками во Франции.

Выходит, что европейцы, в том числе и подражатели из более высоких неевропейских цивилизаций, в свою очередь демонстрируют такое же примитивное и провинциальное мышление, когда восхищаются Америкой, когда они находятся под впечатлением от Америки, когда тупо позволяют себя американизировать и с энтузиазмом верят, что это означает идти в ногу с прогрессом и является признаком свободы, прогрессивности и непредубежденности.

Это «наверстывание» включает в себя социальную и культурную «интеграцию» негров, распространяющуюся в самой Европе и даже в Италии и продвигаемую через подсознательное воздействие импортных фильмов (где черные и белые показаны смешивающимися в социальных функциях, как судьи, полицейские, адвокаты и т. д.) и телевидения, в своих шоу показывающего черных танцоров и певцов вперемешку с белыми, так что широкая публика постепенно привыкает к межрасовому братанию и теряет всякое оставшееся естественное чувство расы и всякое чувство дистанции. Истерия, вызванная бесформенной кричащей массой плоти, которой является негритянка Элла Фицджеральд, во время своих выступлений в Италии, явление столь же печальное, сколь и показательное. Как и тот факт, что самое вопиющее прославление негритянской «культуры», «негритюда» исходит от немца Янхайнца Яна в книге, изданной *Munti*, почтенным старым издательством в Германии (на родине арийского расизма!). Известный левый итальянский издатель Эйнауди поспешил распространить ее и в нашей стране в переводе в двух изданиях. Эта полная эмоциональных разглагольствований книга доходит до того, что утверждает, будто бы негритянская «культура» могла бы стать отличным средством возрождения и восстановления «материалистической цивилизации» Запада...

Говоря о избирательных симпатиях американцев, хотелось бы отметить еще один момент. Если в Соединенных Штатах Америки и было что-то, что казалось позитивным и обнадеживающим, так это феномен нового поколения, отстаивавшего своего рода мятежный, анархистский, нигилистический и антиконформистский экзистенциализм: так называемое поколение битников, битники, хипстеры и им подобные, о которых мы поговорим подробнее в другом месте. Что ж, братание с неграми и настоящая религия негритянского джаза, преднамеренное смешение рас, включая сексуальные отношения белых женщин с неграми, являются характерной чертой этого движения. В известном эссе Норман Мейлер, один из главных его представителей, фактически установил своего рода равнозначность между негром и человеческим типом рассматриваемого поколения, даже определив последнего как «белого негра». Очень правильно Фаусто Джанфранчески писал по этому поводу: *Существует параллель с очарованием негритянской «культуры», как это определяет Мейлер, в эффekte послания Фридриха Ницше на рубеже веков. Отправной точкой является та же самая забота о разрушении закоренелых догм через непосредственное осознание жизненно важных и экзистенциальных фактов; но какая*

неразбериха, какая деградация, если негра, каким его видят сегодня в джазе и сексуальном оргазме, ставят на пьедестал «сверхчеловека»! [5]

Pour la bonne bouche (на закуску) мы закончим важным высказыванием далеко не поверхностного американского автора Джеймса Бернхема (в «Борьбе за мир»): *В американской жизни есть оттенок незрелой жестокости. Она проявляется не меньше в линчевании и бандитизме дома, чем в наглости и хулиганстве солдат или туристов за границей. Провинциальность американского ума выражается в отсутствии чувствительности к другим народам и другим культурам. Во многих американцах есть невежественное презрение к идеям, традициям и истории, удовлетворенность пустяками чисто материального триумфа. Кто, слушая несколько часов американское радио, мог бы сдержать дрожь, если бы подумал, что ценой выживания [некоммунистического общества] будет американизация мира? И, к сожалению, в определенной степени это уже происходит.*

Примечания

1. Принудительная «интеграция» является вопиющим нарушением принципа свободы, и это нарушение является вопросом «расы» лишь во вторую очередь. Ни одну семью никогда не лишали права не принимать в свой дом нелюбимых ей чужаков или держаться от них в стороне (какова бы ни была причина такой неприязни); но братание с неграми в общественной жизни именно навязывается – по иронии судьбы, во имя свободы, свободы, которая является односторонней. Так называемая сегрегация – апартеид – вызывает сожаление, хотя это единственная разумная система, которая никому не вредит: пусть каждый остается в своем мире, среди своих. Невероятно, к чему привел «прогресс» выродившуюся белую расу: британцы, которые до недавнего времени были крайне практическими расистами, до такой степени, что полагали, будто бы за Ла-Маншем обитает почти другое человечество, и в своих колониях высокомерно обособлялись даже от «цветных» представителей древних цивилизаций, превосходящих их собственную (Индия, Китай и т. д.), в результате «антиколониалистского» ослепления вынудили ко времени написания этой статьи своих соотечественников в Родезии выйти из Содружества, применив против них санкции, потому что те отказываются уступить навязыванию предоставления равного и неизбирательного демократического голосования массе черного населения, что вытеснило бы белых британцев с земли, которая была цивилизована только ими.

Что касается США, то если это действительно так, как утверждают некоторые, что комплекс вины за обиды, причиненные чернокожим при прежнем режиме рабства, является мотивом «антисегрегационистов» – как будто всей крови, пролитой белыми в братоубийственной гражданской войне (которую офици-

ально вели за свободу негров) не было достаточно – почему бы им не потребовать, чтобы один из пятидесяти штатов Союза был оставлен (т.е. белые американцы должны быть оттуда переселены в другие места – прим. перев.) и отдан, чтобы туда можно было переселить всех американских негров, позволив им управлять самостоятельно и делать там все, что они хотят, никого не беспокоя и никого не разлагая? Это было бы лучшим решением.

2. Сальваторе Квазимодо, литератор с интеллектуальными претензиями, выразил сожаление по поводу «расистских» идей, изложенных здесь, и обвинил нас, среди прочего, во внутренних противоречиях, потому что, хотя мы выступаем против негров, мы, тем не менее, уважаем американских индейцев. Он не подозревает, что «здоровый расизм» не имеет ничего общего с предрассудками «белой кожи»; по сути, это вопрос иерархии ценностей, в соответствии с которой мы говорим «нет» неграм, всему, что к ним относится, и всей негритянской порче (негритянские расы в этой иерархии стоят чуть выше первобытных австралийских аборигенов, и, согласно известной морфологии соответствуют главным образом типу «ночной» и «теллурической» рас, в противоположность «дневному» типу), а с другой стороны, учитывая то, до чего была низведена белая раса в эпоху колониальной меркантилистской экспансии, мы, конечно, охотно уступили бы превосходство над «белыми» более высоким типам – индусам, китайцам и японцам, а также некоторым арабским родам, не смотря на то, что у них нет белой кожи.

3. К этому можно добавить совершенно негритянский характер движений американских комиков и эстрадных танцоров.

4. Конечно, здесь принимается во внимание только одна сторона нищезанятия. Степень путаницы, царившей в американском экзистенциализме, можно увидеть в том, что, с одной стороны, они солидаризируются с неграми, с другой стороны, некоторых привлекала трансцендентность дальневосточной эзотерической школы дзэн.

Впервые опубликовано в: Julius Evola, *L'arco e la clava*
(«Лук и булава», Milan: Scheiwiller, 1968).